

УДК 343.25

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Для цитирования

Геранин, В. В. Смертная казнь в России: состояние и перспективы / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 366–377. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377.

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам и перспективам смертной казни. В ней последовательно рассматриваются юридические, экономические, социальные и духовно-нравственные аспекты смертной казни в России, анализируемые в разрезе восстановления ею своего полного суверенитета. При вступлении в Совет Европы Россия обязалась не применять смертную казнь, и до настоящего времени Конституционный Суд Российской Федерации считает эту договоренность главным и решающим основанием отказа от применения данного наказания. Авторы статьи полагают, что это один из результатов принятия ограниченного суверенитета, на который страна вынужденно пошла в 90-е годы прошлого века. Суверенитет государства обеспечивается не только его экономическими, политическими или военными возможностями. Не менее важной является духовная составляющая общества. В силу этого, в значительной мере восстановив паритет в других сферах (а в военной добившись преимуществ), пришло время воссоздания в России духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе исторического и культурного развития государства. Одним из важнейших скрепов, объединяющих российский народ, является торжество со-

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

циальной справедливости. Смертная казнь, применяемая за некоторые преступления (например, за убийство детей), воспринимается обществом именно как безальтернативное наказание, единственно способное восстановить нарушенную социальную справедливость. Судя по результатам многочисленных опросов, так считает 60–70 % населения. В случае выхода страны из Совета Европы, что вполне возможно в условиях усиливающегося противостояния России с коллективным Западом, автоматически утратят юридическое значение все договоры, связывающие ее с этой международной организацией, включая запрет на смертную казнь. В этих условиях, опираясь на мнение подавляющего числа населения, политическому руководству страны и ее законодательному органу не останется ничего иного, как вернуть смертную казнь в судебную и правоприменительную практику. Как следствие, законодателю придется пересмотреть правовое регулирование как оснований назначения, так и порядка исполнения пожизненного лишения свободы, которое сегодня многими воспринимается именно как альтернатива смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, Конституционный Суд Российской Федерации, суверенитет, нравственность, духовность, социальная справедливость.

В мае 2021 г. исполнилось 25 лет со дня принятия Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), который был подписан Президентом РФ 13 июня 1996 г. и вступил в силу с 1 января 1997 г. Кроме прочих важных новелл, отличавших его от предшествующего УК РСФСР 1960 г. (разворот к приоритетной защите прав и свобод человека вместо первоочередной защиты интересов государства, усиление ответственности за тяжкие преступления при одновременном ее снижении за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые, и пр.), в Кодекс было введено в качестве отдельного наказания пожизненное лишение свободы. До этого с 1992 г. оно применялось лишь в порядке помилования при замене смертной казни, поскольку отсутствовало в перечне уголовных наказаний, а потому не могло назначаться судами.

Первоначально, со времени вступления УК РФ в силу в 1997 г., и в течение восьми последующих лет пожизненное лишение свободы применялось исключительно как альтернатива смертной казни. Несмотря на то что в 2004 г. согласно изменениям, внесенным в ст. 57 УК РФ (Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации»), законодатель «отвязал» пожизненное лишение свободы от смертной казни, изъяв из его качественной характеристики альтернативность, оба эти наказания по-прежнему воспринимаются и рассматриваются большинством населения как коррелирующие друг другу уголовно-правовые меры. Это не случайно, поскольку в обществе не было, нет и даже в среднесрочной перспективе не предвидится выработки приемлемого для всех решения применительно к смертной казни как виду уголовного наказания. Собственно, дискуссия относительно ошибочности или, напротив, необходимости отмены использования смертной казни как безальтернативного средства защиты общества от наиболее тяжких и опасных преступлений началась еще в досоветский период истории России и с переменной интенсивностью продолжается до настоящего времени [1–9]. Можно сказать, что смертная казнь и все, что с ней так или иначе связано, – это одна из самых

обсуждаемых проблем в нашем обществе. Практически все известные медийные личности, представители науки, культуры, различных конфессий, политики в разное время высказывали свое отношение к данному вопросу.

По сути, общество разделено на две неравные части: на тех, кто хотел бы отмены моратория на смертную казнь (76 %), и тех, кто категорически против этого (14,5 %) [10]. Следует также отметить, что часть населения желает сохранить status quo (не отказываться от смертной казни, но при этом и не применять ее). За более чем полтора десятилетия дискуссии оппоненты исчерпали все возможные аргументы правоты своей позиции, которые, впрочем, нисколько не поколебали точку зрения другой стороны.

В конечном счете наиболее важная, принципиальная причина противоречий во взглядах заключается в абсолютно разной оценке социальных, нравственных, духовных и юридических последствий влияния смертной казни на общество. Сторонники ее применения утверждают, что это наказание полезно, поскольку достигает реализации двух его основных целей: оказывает мощное профилактическое воздействие и восстанавливает социальную справедливость. Да, об исправлении, разумеется, речь не идет, но оно, по мнению отдельных теоретиков, лишь постулируется законодательством в отношении и других наказаний, а потому имеет сугубо теоретическое значение. Отметим, что относительно исправления как цели наказания также идет оживленная дискуссия и авторы данной статьи придерживаются иной точки зрения.

Противники смертной казни утверждают, что она не оказывает сколько-нибудь заметного предупредительного воздействия на преступность, а лишь усиливает уровень жестокости в обществе. Учитывая возможность неисправимой ошибки в деятельности суда и органов предварительного расследования, они считают наиболее приемлемой альтернативой смертной казни пожизненное лишение свободы. По их мнению, при этом достигаются все три цели наказания: пожизненное лишение свободы достаточно сурово, чтобы оказывать профилактическое воздействие и удовлетворять общественные запросы, а также не исключает шанса преступнику исправиться.

На наш взгляд, дальнейшее продолжение дискуссии в том же ключе бесплодно. Рациональнее сосредоточиться на том, существует ли сегодня у законодателя возможность выбора – изъять наказание в виде лишения свободы из Конституции РФ и УК РФ или начать его применение? Если выбирать первый вариант, прежде необходимо ответить на вопрос: в состоянии ли пожизненное лишение свободы быть равноценной заменой смертной казни?

На сегодняшний день в отношении правового регулирования смертной казни в России ситуация сложилась непростая. После провала ГКЧП и прекращения существования СССР как субъекта международного права в 1991 г. руководством РФ было принято стратегическое решение об избрании сближения с Западом важнейшим приоритетом внешней политики. В результате в 1992 г. Россию приняли в Международный валютный фонд, российский Президент впервые принял участие в саммите «Большой семерки», а 7 мая 1992 г. была подана заявка России на вступление в Совет Европы. Среди обязательств, которые Парламентская ассамблея поставила перед Россией, были в том числе ратификация и принятие Европейской конвенции по правам человека, а также ратификация Протокола № 6 об отмене смертной казни в мирное время. Если Конвенция в 1998 г. была ратифицирована (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»), то Протокол № 6 хотя и был подписан, но до настоящего времени не ратифицирован, а следовательно, не имеет для России юридически обязывающего значения.

Первым из подготовительных мероприятий к реализации выполнения названных требований было принятие Закона РФ от 17 декабря 1992 г. № 4123-1 «О внесении изменений в статью 24 Уголовного кодекса РСФСР», направленного на создание альтернативы смертной казни и расширение практики помилования приговоренных к ней осужденных. Тем не менее статистика помилований и приговоров, приведенных в исполнение, до времени вступления УК РФ в силу показывает значительные колебания: от 1 казненного в 1992 г. до 86 в 1995 г. [11].

В феврале 1996 г. Россия была принята в Совет Европы, а в мае того же года Президент РФ издал Указ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Хотя ожидавшееся объявление Указом моратория на исполнение смертной казни не последовало, с августа-сентября 1996 г. он начал действовать фактически, поскольку Президент перестал рассматривать дела приговоренных к смертной казни, а согласно ч. 4 ст. 184 УИК РФ без решения Президента РФ исполнение данного наказания невозможно.

Поскольку, во-первых, принятая в 1993 г. Конституция РФ допускает применение смертной казни, во-вторых, вступивший в силу в 1997 г. УК РФ предусматривает ее как один из видов наказаний и, в-третьих, так называемый мораторий так и не был закреплен даже президентским Указом, судам ничего не оставалось, как продолжать выносить смертные приговоры и после вступления России в Совет Европы. Успешная попытка выхода из данной правовой неопределенности была предпринята Конституционным Судом РФ, который своим постановлением от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» запретил судам назначать смертную казнь, обосновав свой запрет тем, что не во всех субъектах России на тот момент были созданы суды присяжных заседателей, участие которых по таким делам обязательно. В течение десяти последующих лет данное основание было единственным препятствием для применения исключительной меры. Следует признать, что с точки зрения легитимности такой подход был единственно приемлемым в отсутствие законодательного решения. Однако с завершением формирования в 2009 г. исполнительных органов муниципальных образований в Чеченской Республике, составляющих списки кандидатов в коллегии присяжных, у судов с 2010 г. вновь открывалась возможность назначать смертную казнь. Это означало бы неизбежный конфликт России с Советом Европы, к которому государство на тот момент не было готово. Во избежание противоречий в правоприменительной практике Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд РФ за разъяснениями.

По существу, перед Конституционным Судом РФ была поставлена задача, которую правомочен решить только референдум, поскольку речь шла о внесении изменений в главу 2 Конституции РФ. В силу этого Конституционный Суд ограничился рассмотрением только п. 5 резолютивной части своего постановления от 2 февраля 1999 г. Подтвердив необходимость продолжения действия запрета на применение смертной казни, Конституционный Суд обосновал свое решение тем, что Россия должна выполнять свои международные обязательства, на условиях исполнения которых состоялось ее приглашение в Совет Европы, а также сложившимся в стране конституционно-правовым

режимом. В результате этого в стране произошел необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни (определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р «О разьяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»).

Является ли данная аргументация достаточной для решения столь сложной проблемы? Некоторые специалисты называют ее не только небесспорной, но и малоубедительной [12, с. 198]. Возможно, с этими критическими замечаниями можно было бы согласиться, если не принимать во внимание то положение, в которое был поставлен Конституционный Суд. С одной стороны, международные обязательства, которые Россия стремится последовательно и неукоснительно выполнять, демонстрируя транспарентность и предсказуемость своей политики, с другой – отсутствие нормативно-правового решения: не ратифицирован Протокол № 6 об отмене смертной казни, не внесены какие-либо ограничения на ее применение ни в Конституцию, ни в уголовное законодательство. Необходимо было также принимать во внимание мнение большинства населения, согласно которому (на фоне не снижающегося на тот момент уровня преступности) смертную казнь предлагалось восстановить. В силу этого определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р продолжило проводимую государством линию по постепенной подготовке общества к изъятию смертной казни как одного из уголовно-правовых средств воздействия на преступность. Поскольку моратория как нормативного акта не существует (и не существовало), упомянутое постановление и определение Конституционного Суда РФ, воспринимаемые в совокупности, до сегодняшнего дня выступают единственным юридическим основанием, препятствующим применению в России смертной казни.

Давая определению Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р геополитическую оценку, Ю. А. Кизилев отметил, что в его разьяснениях возобладали принцип «реализации ограниченного суверенитета» с предоставлением приоритета «международно-правовой тенденции» и принятым на себя Российской Федерацией «обязательствам» [13, с. 92]. Таким образом, смертная казнь из юридической проблемы переросла в политико-правовую, имеющую как внутрисударственное, так и международное значение с решающим преимуществом последнего.

Особенностью внешнеполитического курса России, вне зависимости от обстоятельств, всегда было безусловное выполнение принятых международных обязательств, и в первую очередь ратифицированной Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (собственно, как того и требует Конституция РФ, в ст. 15 закрепившая приоритет международных норм над национальным законодательством). В силу этого на протяжении четверти века вхождения России в Совет Европы шансов на возобновление применения смертной казни в стране практически не было. В противном случае Россию могли ожидать санкции, среди которых допускалось ее исключение из того объединения, членом которого она ранее так стремилась стать.

На наш взгляд, с вхождением в Совет Европы Россия приобрела не столько политические дивиденды (особенно в начальный период), сколько экономические. Отметим, что Европейский союз являлся и на сегодняшний день остается крупнейшим экономи-

ческим партнером нашей страны, на долю которого приходится около 40 % российского товарооборота в сфере внешней торговли [14]. Государство в течение длительного периода просто не могло себе позволить потенциальный риск исключения из Совета Европы и связанные с этим негативные экономические и финансовые последствия. В то же время чрезмерная ориентация на Европу, обусловленная попыткой России интегрироваться в евроатлантическую систему, по существу, поставила страну в зависимость от нее. Осознание этой опасности привело к разработке и реализации новой внешнеэкономической стратегии России: постепенной внешнеэкономической переориентации на Восток. Справедливость такого подхода стала особенно ощутимой после 2014 г., когда страны коллективного Запада начали проводить агрессивную санкционную политику против России с целью ее «сдерживания». Желание поставить Россию «на место» у Запада зашло столь далеко, что он для ужесточения санкций стал использовать откровенные провокации (дела Скрипалей и Навального).

В условиях, когда, казалось бы, незыблемая категория «верховенство международного права» стала подменяться термином «порядок, основанный на правилах», у России для отстаивания своего суверенитета не осталось выбора, кроме как вводить ответные санкции. Если первоначально они касались лишь продуктов питания и некоторых товаров, то в последнее время обострившееся противостояние вынудило Россию к аналогичным действиям. Так, в мае 2021 г. в заявлении МИД России объявлено о запрете въезда в страну восьми представителям официальных структур ЕС, в числе которых и председатель Европарламента Д. Сассоли [15]. Отметим, что санкции, введенные против еврочиновников такого уровня, недвусмысленно выражают готовность России к разрыву отношений с Евросоюзом, о допустимости которого заявил глава МИД России С. В. Лавров [16]. Нужно полагать, данное высказывание свидетельствует о том, что Россия успешно осуществляет внешнеэкономический разворот и подготовилась к любому развитию событий. Выход России из Совета Европы, по утверждению постоянного представителя РФ при Совете Европы И. Солтановского, приведет к автоматическому выходу страны из ряда конвенций, в том числе из Европейской конвенции по правам человека (<https://iz.ru/1137013/2021-03-15/postpred-rf-rasskazal-o-posledstviakh-vykhoda-iz-soveta-evropy>). Одним из последствий также станет освобождение России от данных ею при принятии в Совет Европы обязательств и фактическое обнуление значения одного из двух основных факторов, определяющих судьбу смертной казни в России, – международно-правового. Одновременно с этим утратит значение и без того слабо аргументированная нормативно-правовая часть обоснования неприменения смертной казни, изложенная в определении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-Р.

Вторым важнейшим фактором, формирующим позицию законодателя в отношении смертной казни и серьезно влияющим на выбор точки зрения руководством страны, является мнение населения. Несмотря на некоторый разброс результатов проводимых в стране опросов, общая тенденция очевидна – подавляющее большинство жителей полагает необходимым возврат к применению этого наказания. Так, по данным опроса населения, проведенного Госдумой в октябре 2019 г., возможность применения смертной казни в России не отрицали 73 % опрошенных; опрос, проведенный аналитическим центром «Левада-Центр» в октябре 2019 г., – 73 %; опрос РИА Новости в ноябре 2019 г. – 69 %; опрос ИА REGNUM в феврале 2020 г. – 85 % (<https://rg.ru/2019/10/11/reg-pfo/gosduma-zapustila-opros-o-smertnoj-kazni-posle-ubijstva-devochki-v-saratove.html>; <https://ria.ru/20191101/1560486013.html>; <https://regnum.ru/news/society/2844498.html>). Не думаем, что столь высокой доля сторонников смертной казни была бы без резонансного убий-

ства ребенка, произошедшего в октябре 2019 года в г. Саратове. Именно оно послужило триггером для резкого прироста этой части участников опроса, и в данном случае не так уж важно, что большинство считает допустимым применять смертную казнь только к педофилам, виновным в убийстве детей. Главное в другом – общество (от сенатора до домохозяйки) не отрицает саму возможность применения исключительной меры наказания. Представляется, что массовое убийство школьников казанской гимназии в мае 2021 г., судя по многочисленным высказываниям в СМИ, лишь прибавило число сторонников смертной казни. В проведенных после этого события исследованиях, ввиду очевидности ответов, вопрос об отношении населения к смертной казни даже не ставился. Его заменили выяснением основных причин преступления и предложений по ужесточению правил оборота оружия (<https://www.levada.ru/2021/05/31/tragediya-v-shkole-v-kazani>).

Одним из основных аргументов противников смертной казни является утверждение о том, что современное цивилизованное общество не может себе позволить сохранять примитивное и низменное чувство – месть [3, 7]. Следовательно, такое наказание – это негуманная мера, реализуемая посредством узаконенного умерщвления приговоренного государством, хотя моральные правомочия у последнего отсутствуют [17, с. 499].

В действительности, как справедливо указывал профессор Н. А. Стручков, «наказание – кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство отплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали» [18, с. 59–60]. Отметим, что нередко такие категории, как «мораль», «нравственность», «общечеловеческие ценности», используются лишь в качестве средства манипулирования человеческим сознанием. Особенно это характерно для описания отношения общества к смертной казни. Аболиционисты (сторонники отмены смертной казни), обосновывая свою позицию, призывают к гуманизму, человеколюбию, защите общечеловеческих ценностей, толерантности, ставя в пример прежде всего европейские государства, причем перечисленные термины, по их мнению, характеризуют только те просвещенные и цивилизованные общества, в которых отказались от смертной казни, тогда как ее использование свидетельствует об отсталости и даже варварстве таких государств.

Для того чтобы пояснить нашу позицию, необходимо разобраться с терминами, используемыми участниками дискуссии. Наиболее часто обеими сторонами используется понятие «мораль», синонимом которой многие ошибочно называют «нравственность». В действительности если мораль – это система норм и принципов, определяющих поведение человека в обществе, и выступает (как и право) в качестве всеобщего регулятора общественных отношений, то нравственность присуща отдельному индивиду. Другими словами, мораль – это выработанный в данном конкретном обществе идеал человеческого поведения, а нравственность – реальные поступки индивидуума, зависящие от его воли и сознания. Мораль исторически и социально обусловлена, а потому нестабильна и обновляется вслед за существенными изменениями в жизни общества. Так, если в конце XIX в. известный английский поэт и писатель О. Уайльд был осужден к двум годам каторжных работ за гомосексуализм, то в XXI в. за признанные гомофобными слова о том, что семья – это добровольный союз одного мужчины и одной женщины, лондонской полицией был арестован пожилой проповедник (<https://polit.info/538916-v-londone-arestovali-svyashennika-za-gomofobnye-citaty-iz-biblii>). Примерно за 200 лет моральные ценности английского общества, за которыми последовал и закон, сменились на противоположные.

Кроме морали и нравственности, социология, культурология, психология оперируют таким понятием, как «духовность», под которой понимаются объединяющие общество начала, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций. Для России, оказавшейся сегодня одной из немногих развитых стран, сохранивших традиционные понятия и ценности, и не принимающей навязываемые ей под видом толерантности однополые браки, распространение ЛГБД идеологии, эвтаназию, нет иного выхода, кроме как решительно отстаивать свой менталитет, причем речь идет уже не о настоятельных рекомендациях, а о принятии обязывающих норм. В частности, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) обязал Россию обеспечить правовую основу для заключения однополых браков. Аргументы Правительства РФ о том, что это противоречит интересам сообщества в целом, были отклонены. Посредством отказа однополым парам регистрировать брак Россия вышла за рамки предоставленной ей свободы усмотрения [19].

Подчеркнем, что суверенитет государства обеспечивается не только его экономическими, политическими или военными возможностями. Не менее важной является духовная составляющая общества. Многими исследователями отмечалось, что наша страна на рубеже веков стагнировала именно из-за утраты национальной идеологии. Более того, некоторые из них отмечают, что начавшийся «процесс возрождения духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе протекает не благодаря государству, а органически, спонтанно» [20, с. 101]. В отличие от нестабильной морали духовность не подвержена значительным колебаниям. В ней выкристаллизованы ценности, имеющие цивилизационное значение, сохранившие так называемую народную нравственность. Не случайно духовность нередко связывают с верой, религией, играющей важную роль в жизнедеятельности государства и тысячелетиями хранящей и проповедующей общечеловеческие ценности, формирующие культурный код нации.

В России ведущей является православная вера, которую, по данным ВЦИОМ на 2021 г., исповедуют 66 % россиян [21]. Другими словами, это подавляющее большинство верующих нашей страны. В связи с этим важно подчеркнуть, что в 2000 г. были приняты Основы социальной концепции Русской православной Церкви, в разделе IX которых отмечается, что «вопрос об отмене или неприменении смертной казни должен решаться обществом свободно, с учетом состояния в нем преступности, правоохранительной и судебной систем, а *наипаче соображений охраны жизни благонамеренных членов общества* (выделено нами. – В. Г., С. М.)». Позиция Русской Православной Церкви как социального института выражена недвусмысленно: «Особая мера наказания – смертная казнь – признавалась в Ветхом Завете. Указаний о необходимости ее отмены нет ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной Церкви» (<https://pravbiblioteka.ru/reader/?bid=69763>).

В поисках национальной идеи, являющейся стержнем национального самосознания, смыслом существования народа и утраченной с развалом Советского Союза, в стране идут острые дискуссии, в ходе которых обсуждаются ее различные варианты, включая патриотизм. Не отрицая значения патриотизма как объединяющего общество социального чувства и его тесную связь с содержанием понятия «национальная идея», мы полагаем, что более обобщающей категорией все же является справедливость, или, точнее, социальная справедливость. Под этим термином чаще всего понимается соответствие подлинной ценности конкретных людей, групп или профессий их реальным условиям жизни и положению в обществе, то есть соответствие деяний воздаянием, прав – обязанностям, заслуг – получаемым благам [22, с. 6].

Для России на всем пути ее исторического развития основной объединяющей идеей было и остается торжество справедливости. Одновременно ощущение ее отсутствия становилось главной причиной недовольств, смут и волнений больших народных масс. Именно идея создания государства и общества, основанных на стремлении населения к справедливости, лежала в основе лозунгов, используемых РСДРП для привлечения на свою сторону миллионов граждан России и позволившая в 1917 г. с такой легкостью свергнуть самодержавие. Подчеркнем, что и по прошествии более чем 100 лет запрос населения России на формирование государства, основанного на концепции социальной справедливости, все так же высок. Так, по итогам 2019 г. Россия вошла в число стран с самым высоким уровнем социального неравенства: 82 % личных богатств сконцентрировано у 10 % населения страны, а 45 % национального дохода контролирует всего 1 % населения [23, с. 3]. По мнению профессора Г. В. Гречихина, ситуация такова, что увеличивающееся с каждым годом социальное неравенство и расслоение общества вызывают у огромной части людей недовольство проводимой социальной политикой, что в конечном итоге приводит к возрастанию недоверия к власти [24]. В силу этого основные усилия правительства страны, на наш взгляд, должны быть направлены прежде всего на поэтапное сокращение социального неравенства и утверждение социальной справедливости в качестве внутригосударственной стратегии страны. Разумеется, речь идет не о разработке утопической модели построения общества (некоего аналога «Города Солнца»), в котором будет достигнуто абсолютное социальное равенство и отсутствовать несправедливость. Эта мечта человечества нереализуема, поскольку не согласуется ни с биологическими, ни с экономическими законами, ни с законами социального развития. Особенностью справедливости как оценочного понятия является то, что она всегда индивидуальна и потому нередко разнонаправленна. Например, с тем, что в решении суда признается справедливым стороной обвинения, вряд ли согласится сторона защиты, и наоборот. Истинным мерилom справедливости того или иного события или поступка может выступать не мнение индивида и даже не группы людей, а позиция общества, то есть того, что мы в данном конкретном случае понимаем под словом «народ», и тогда оценочная и потому субъективная категория «справедливость» уступает место социальной справедливости, опирающейся на мнение подавляющего большинства населения страны.

Если согласиться с тем, что социальная справедливость – важный, если не важнейший показатель создания гармоничного и процветающего общества, а достижение социального равенства (равенства возможностей) – основная линия внутренней политики государства, нельзя не отметить прозорливость разработчиков Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. В наиболее сложный для нашей страны за все послевоенные годы период, характеризовавшийся глубоким экономическим и политическим кризисом, традиционные цели уголовного наказания были дополнены еще одной – восстановлением социальной справедливости.

В отсутствие нормативно-правового определения данной цели анализом ее понятия и содержания занимается наука. Так, профессор А. В. Наумов, характеризуя ее восстановительный характер, отмечает, что допущенная в результате совершения преступлений социальная несправедливость нейтрализуется применением имущественных уголовно-правовых санкций. В тех же случаях, когда преступление приводит к смерти или причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего, социальная справедливость восстанавливается (насколько это возможно в данном случае) назначением преступнику длительного срока лишения свободы [25, с. 364]. Близкой позиции придерживаются

и авторы, выделяющие компенсационный характер цели восстановления социальной справедливости, предполагающий материальное возмещение всех расходов, понесенных жертвой преступления [26, с. 42].

Соглашаясь в целом с рациональностью упомянутых характеристик, основывающихся прежде всего на активных действиях виновного по заглаживанию вреда, все же отметим, что обе концепции бессильны при причинении смерти потерпевшему. В этом случае сколько-нибудь достаточно ни восстановить, ни компенсировать ущерб невозможно. Иное дело, когда государство после катастроф, стихийных бедствий, повлекших за собой человеческие жертвы, оказывает помощь семьям погибших. Эти действия не охватываются понятием «восстановление социальной справедливости», поскольку, как правило, отсутствовало само ее нарушение. Кроме того, как известно, любое преступление наносит вред не только конкретному лицу, но и обществу, социуму, причиня моральные и нравственные страдания большому кругу лиц и разрушая тем самым социальную справедливость. Именно поэтому правоохранительным органам нередко приходится прилагать немало усилий для защиты лиц, подозреваемых в убийстве или изнасиловании детей, от расправы, то есть от праведного гнева членов общества, бессознательно стремящихся восстановить социальную справедливость. Как нам представляется, их действиями руководит не столько желание отомстить (одно из древнейших человеческих чувств, которое никуда не исчезло и в наши дни), сколько осознание того, что в арсенале государства сегодня просто нет тех средств, с помощью которых можно восстановить нарушенную социальную справедливость – «отплатить душегубу по заслугам». На это указывают результаты многочисленных опросов, приведенные нами.

Таким образом, не каждое преступление можно компенсировать, используя материальные возможности виновного. За некоторые из них для восстановления социальной справедливости подавляющее большинство граждан безальтернативно требует лишения преступника жизни, и государство для укрепления единства общества вынуждено будет рано или поздно восстановить смертную казнь за отдельные преступления.

Заключение

Отношение к смертной казни по-прежнему разделяет общество на две неравные части: около 60–70 % населения за ее восстановление, остальные – против либо не определились с выбором. И каждое резонансное преступление увеличивает критическую массу. Сохранив смертную казнь в качестве одного из уголовных наказаний в Конституции РФ и УК РФ, политическое руководство страны и законодатель тем самым не исключают возможность вернуться в определенной ситуации к ее применению.

На сегодняшний день юридическим основанием неприменения смертной казни в России является не некий мораторий, связываемый рядом СМИ с именем экс-президента РФ Б. Н. Ельцина, а рассматриваемые в единстве решения Конституционного Суда РФ: постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П и определение от 19 ноября 2009 г. №-1344-О-Р. Основным аргументом, не позволяющим России применять данное наказание, в этих документах названы международные обязательства России, принятые ею при вступлении в Совет Европы. В случае выхода страны из этой международной организации, вероятность которого в последние годы только возрастает, у политического руководства государства при решении судьбы смертной казни, не останется иного выхода, кроме как опираться на мнение населения.

Если и есть что-то общее, объединяющее большинство представителей всех слоев общества, то это – социальная справедливость. Выработывавшаяся веками и составляющая основу национального самосознания социальная справедливость является

наиболее объективным инструментом оценки здоровья общества, его духовного единения. Между тем Россия входит в число стран с самым высоким уровнем социального неравенства. Устранение этой диспропорции, как свидетельствуют многочисленные опросы населения, является насущной задачей государства, причем ответы жителей нашей страны показывают, что речь идет не о подравнении всех по какому-то образцу, а в предоставлении всем равных возможностей и равенстве всех перед законом.

Называя восстановление социальной справедливости одной из целей наказания, УК РФ тем самым вносит значительный вклад в укрепление единства общества. В связи с этим отметим, что и разработчики теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации посчитали необходимым закрепить цель восстановления социальной справедливости, отсутствующую в действующем законе, в новом УИК РФ [27, с. 43].

Полагая необходимым возврат применения смертной казни, общество тем самым признает ее безальтернативность для восстановления социальной справедливости, нарушенной отдельными преступлениями. Судя по тому, как шаг за шагом Россия последовательно восстанавливает свой суверенитет и более не готова поступаться принципами, смертная казнь, согласно воле подавляющего большинства населения страны, начнет применяться в ближайшие годы. Уже сегодня нужно задуматься о том, каковы перспективы сохранения в нынешнем виде пожизненного лишения свободы, фактически являющегося альтернативой смертной казни.

Библиографический список

1. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула : Автограф, 2000. 272 с.
2. Гернет М. Н. Смертная казнь. М. : Тип. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. 149 с.
3. Алексеев С. С. Жизнь – абсолютная ценность // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М. : Юридическая литература, 1989. С. 336–338.
4. Карпец И. И. Польза или зло? // Смертная казнь: за и против / под ред. С. Г. Келиной. М. : Юридическая литература, 1989. С. 350–366.
5. Келина С. Г. Когда убивает государство: смертная казнь против прав человека. М. : Прогресс, 1989. 421 с.
6. Михлин А. С. Смертная казнь – быть ли ей в России? // Журнал российского права. 1998. № 10-11. С. 138–147.
7. Вицин С. Е. Время казнить в России закончилось? // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 10–12.
8. Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России. М., 2016. 758 с.
9. Побегайло Э. Ф. Проблема смертной казни в свете криминологической ситуации в России. СПб., 2017. 475 с.
10. Нужна ли в России смертная казнь? Итоги опроса ИА Regnum. 3 февраля 2020 г. URL : <https://regnum.ru/news/society/2844498.html> (дата обращения: 23.06.2021).
11. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 2 : Общая часть. Учение о наказании. 535 с.
12. Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // Lex Russica. 2016. № 7(116). С. 190–198.
13. Кизилов А. Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие // Lex Russica. 2016. № 12(121). С. 79–94.
14. ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь – ноябрь 2020 г. URL : <https://customs.gov.ru/press/federal/document/263604> (дата обращения: 23.06.2021).

15. Заявление МИД России в связи с российскими ответными мерами на очередные санкционные решения ЕС от 30 апреля 2021 г. URL : https://www.mid.ru/web/guest/maps/ee/-/asset_publisher/mo1LgblkJbRf/content/id/4719537 (дата обращения: 23.06.2021).

16. Лавров заявил о готовности к разрыву отношений с Евросоюзом // РИА Новости. 2021. 12 февр. URL : <https://ria.ru/20210212/lavrov-1597157215.html> (дата обращения: 23.06.2021).

17. Дворецкий М. Ю., Анапольская А. И. Смертная казнь: за и против // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 497–502.

18. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 288 с.

19. ЕСПЧ обязал Россию узаконить однополюе союзы // Коммерсантъ. 2021. 13 июля. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4899483> (дата обращения: 13.07.2021).

20. Овчинников А. И. Юридическая формализация понятия «общественная нравственность» // Философия права. 2016. № 6(79). С. 100–105.

21. ВЦИОМ. Великий пост. Аналитический обзор. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 03.07.2021).

22. Возьмитель А. А. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. 2016. № 8. С. 6–15.

23. Соловьева О. О. Россия оказалась в мировых лидерах по неравенству // Экономика. 2019. № 12. С. 3–5.

24. Гречихин Г. В. Проблемы социальной справедливости и неравенства в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5(147). С. 14–17.

25. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с.

26. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 2. 498 с.

27. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. М. : Юриспруденция, 2017. 326 с.